

ИЛЛЮСТРАЦИИ ФИЛА ПАРКСА

ФИЛИП К. ДИК

НИК И ГЛИММУНГ

Филип Киндред Дик Ник и Глиммунг

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62393267
Ник и Глиммунг / Филип К. Дик: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110018-6*

Аннотация

Недалекое будущее. Земля перенаселена. Правительство ввело жесткие законы против домашних животных. Теперь собаки и кошки запрещены. Семья Ника Грэма не хочет потерять своего черного кота Горация. Они вынуждены эмигрировать во Внешние Миры – на отдаленную Планету Плаумена, которая населена уабами, верджами, спиддлами, нанками, тробами и принтерами. А еще там обитает Глиммунг – зло из глубин выгоревшей мертвой звезды. Глиммунг, который плетет паутину судьбы и из-за которого происходит старение мира. Впервые на русском языке публикуется роман, который Филип Дик написал своим детям.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Филип К. Дик

Ник и Глиммунг

Глава 1

Ник точно знал, почему его семья улетает с Земли жить в колонии на другой планете. Все из-за него и его кота Горация. С 1992 года владеть домашними животными любого вида стало незаконно. На самом деле Гораций был вне закона, даже если им никто не владел.

Гораций жил у Ника уже два месяца, но его получалось прятать в квартире, подальше от чужих глаз. Но вот однажды утром Гораций вылез в открытое окно, слонялся и игрался на заднем дворе – общем для всего дома. Кто-то – какой-то сосед – заметил Горация и вызвал антизверятника.

– Я тебе говорил, что будет, если Гораций покажется на улице, – сказал папа Ника, когда они вместе поймали кота и вернули невредимым в квартиру.

– Но ведь теперь все хорошо. Мы его нашли, – сказал Ник. Он никак не мог отдышаться после погони за Горацием. Кот же казался спокойным и ничуть не уставшим; уселся на своем привычном месте перед обогревателем, начал вылизываться.

– Ничего хорошего, – сказал отец Ника. Он, как обычно,

волновался. – Антизверятник придет в следующие сорок восемь часов. Нас не только заставят заплатить штраф – он заберет Горация.

Мать Ника нервно спросила:

– А штраф очень большой, Пит?

– Да черт бы с ним, со штрафом, – сказал папа. – Я больше переживаю из-за Горация. Нельзя забирать питомца у ребенка и вообще забирать питомцев. Я понимаю, что в наши дни еды мало. Я знаю, почему одобрили закон против домашних животных. Но разве кот так уж много ест?

– Это закон, – напомнила мать. – Закон надо соблюдать, нравится он или нет.

– Можно улететь с Земли, – сказал отец. – Отправиться туда, где разрешено иметь домашних животных. И не только котов – можно завести овец, коров и куриц, кого только захотим.

Когда Ник это услышал, его охватило странное чувство, потому что по тону отца он понял: тот не шутит. Отец действительно думал о том, чтобы улететь с Земли, как думал не раз за последние два года.

Уже давно Земля страдала от ужасного перенаселения. Сейчас на ней обитало слишком много людей – все больше и больше с каждым годом. Теперь никто не жил в отдельном доме; это, как и домашние животные, тоже стало незаконно. Здесь, в Сан-Франциско, и вообще везде люди жили в гигантских многоквартирных башнях, которые росли этаж

за этажом и даже опускались под землю, где селились самые бедные семьи. Чем больше становилось людей, тем меньше становилось еды; потому и ввели новый закон против домашних животных, потому и приходил страшный антизверятник. С тех пор как Ник нашел Горация, он страшился дня, когда к ним наведается антизверятник. Отец часто говорил, что это только вопрос времени. Рано или поздно антизверятник находил всех животных – находил и забирал.

Неизвестно, что он делал с животными потом.

– Я увезу Горация подальше отсюда, – предложил Ник. – Найду, кому передать. Когда антизверятник придет, Горация уже не будет.

– Ты что, не хочешь улететь с Земли? – спросил отец. – И жить на планете, где можно иметь столько животных, сколько захочешь?

– Не знаю, – сказал Ник. Ему было страшно. Улетать так далеко от дома... В дикие края с лесами и странными созданиями. Новый мир, другая жизнь – причем, как все говорили, жизнь очень тяжелая.

Может, спросить учительницу, рассуждал Ник про себя. Мисс Джут подскажет, что делать.

– Если ты сам не хочешь лететь на другую планету, заставляя я тебя не буду, – сказал отец. – Это добровольное решение; ты, я, твоя мать – мы должны согласиться все втроем. Надо все обсудить и учесть до мелочей. Например, придется подумать, как ты будешь без школы.

– Все это очень интересно, – нервно сказала мать Ника.

* * *

На следующее утро, пока Ник добирался общественным ховеркаром до школы, он спланировал, что сказать.

Раз уж антизверятник знает про Горация, в классе можно говорить открыто. Скрывать секрет больше необязательно. Что скажет мисс Джут? В конце концов, они с папой нарушили закон. Но у Ника было ощущение, что мисс Джут любит животных.

– Доброе утро, класс, – сказала мисс Джут – или вернее, ее изображение на большом телеэкране перед кабинетом. У мисс Джут, как и у остальных учителей, было слишком много классов. Она не могла прийти во все лично. Так что она общалась со всеми учениками во всех классах с помощью телевизора. В одном только классе Ника было шестьдесят пять учеников, а мисс Джут (как она им говорила) преподавала еще в девяти. Так что в общем мисс Джут вела где-то шестьсот детей. Тем не менее помнила она каждого. По крайней мере, такое впечатление было у Ника. Когда она говорила с ним с большого телеэкрана, казалось, что она и видит, и слышит именно его. По всем ощущениям мисс Джут в самом деле была с ними, в кабинете.

– Доброе утро, мисс Джут, – сказал Ник и его одноклассники.

– Сегодня, – начала мисс Джут, – мы поговорим о... – Тут она замолчала. – Вижу, Ник Грэм поднял руку, – сказала она. – Ник, время для вопросов в вашем классе наступит только после обеда. Это не может подождать?

Ник встал и сказал:

– У меня очень сложная проблема, мисс Джут. Подождать она не может – мне надо спросить прямо сейчас.

– Думаешь, это будет интересно всем классам? – спросила мисс Джут. – Если да, я тебя включу, чтобы тебя видели и слышали в других кабинетах.

Ник сделал глубокий вдох и сказал:

– Это насчет моего кота.

* * *

Оправившись от шока, мисс Джут сказала:

– Боже милостивый, Ник. Я и не знала, что у тебя есть кошка, – и спросила у всех классов: – Кто из вас знал, что у Николаса Грэма есть кошка?

Замигали огоньки «да» и «нет». Во всех кабинетах только Дональд Хедж, лучший друг Ника, нажал кнопку «да». Вышел результат: 602 «нет», 1 «да» и 11 «неопределившихся».

– Но, Ник, – сказала мисс Джут, – разве антизверятник не найдет и не заберет твою кошку?

– Это не кошка, а кот, – сказал Ник, – и антизверятник уже скоро придет. Поэтому мне и нужно срочно с вами по-

говорить.

Тогда мисс Джут спросила у всех классов:

– Кто из вас думает, что антизверятник должен забрать кота у Ника? Давайте посчитаем голоса. – В этот раз загорелось 265 огоньков «нет» и 374 «да». – Большинство учеников считает, что ты должен его отдать, Ник, и подчиниться закону. А это, насколько я помню, влечет и штраф.

– А мой папа считает, – перебил Ник, – что нам надо эмигрировать на другую планету. Где можно оставить себе Горация.

– Какая интересная мысль, – сказала мисс Джут. – Очень оригинальная и даже, прямо скажу, очень смелая. Ну, дети? Что думаете? Давайте проголосуем, стоит ли Нику и его семье эмигрировать на другую планету.

В классе Ника подняли руку. Это была Салли Седж.

– А что значит «эмигрировать», мисс Джут? – спросила Салли.

– Ник, можешь рассказать Салли, что значит «эмигрировать»? – попросила учительница.

– Это значит «уехать туда жить», – ответил Ник. – Не просто в гости, а остаться навсегда.

– Понятно, – сказала Салли Седж. – Очень интересно.

– А теперь голосование, – сказала мисс Джут, – решаем, прав ли отец Ника, что решил эмигрировать с Земли.

Результат показал: 189 «нет» и 438 «да» плюс некоторые воздержавшиеся.

– Дети согласны с решением твоего отца, – сказала мисс Джут. – Впрочем, остается мой голос, а он, как тебе известно, решающий. – Она нажала на кнопку на своем столе. Все огоньки «да» погасли. Проголосовав «нет», мисс Джут стерла их из существования. – Я против твоей эмиграции, Ник, – объяснила она, – потому что в колониях нет хороших школ. Это повредит твоему обучению; ты никогда не сможешь найти работу.

– Но не могу же я отдать Горация, – сказал Ник.

Через проход от Ника поднялась рука; это был его приятель Дональд Хедж.

– А может, – сказал Дональд, когда мисс Джут показала на него, – а может, Ник станет ветеринаром.

– Но на Земле не нужны ветеринары, – напомнила учительница, – потому что на Земле нет животных.

– Пусть будет ветеринаром на планете-колонии, куда он эмигрирует, – настаивал Дональд Хедж.

– Даже не знаю, – сказала с сомнением мисс Джут, качая головой. – Может, ты поступаешь правильно, Ник, может, я и ошибаюсь. Мне просто не кажется, что кот настолько важен, чтобы вы с семьей меняли весь свой образ жизни и даже покинули Землю. Например, твой отец уйдет с работы. Об этом ты подумал?

У Ника уже имелся наготове ответ.

– Мой отец не любит свою работу, – сказал он. – Ему кажется, он ни на что не влияет. Он только и делает, что...

– Прости, – перебила Ника мисс Джут, – но нам пора перейти к первой теме учебного дня, очень важной. «Как пробыться на хOVERбас?» – этим вопросом задаются все. Сесть на общественный хOVERбас непросто даже взрослым, ведь в наши дни в каждый отдельно взятый момент слишком много людей хотят куда-то ехать. Нажмите кнопку «А» на вашей парте, чтобы включить пособие по этой теме. Тем временем на телеэкране вы увидите, что может пойти не так во время посадки на хOVERбас. Это может случиться и с вами.

Дональд Хедж наклонился к Нику и прошептал:

– По-моему, вы правильно решили насчет твоего кота. Эмигрировать в смысле. И сам посмотри, сколько было голосов «да». Большинство согласны.

Робот-наблюдатель в углу класса сказал громким металлическим голосом: «Не разговаривать».

– И, – закончил мысль Дональд, – тебе не надо будет ходить в школу. По крайней мере, вот в такую, где учителя видишь разве что на экране. Где с ней нельзя встретиться и поговорить в реальной жизни. Она сама рассказывала, что учит еще девять классов.

– Мне нравится в школе, – ответил Ник. – И мне всегда кажется, будто мисс Джут по правде меня видит и говорит прямо со мной.

– Иллюзия, – сказал Дональд голосом человека, который знает все – или думает, что знает.

– Если не прекратите разговаривать во время урока, – ска-

зал робот, – я вызову полицию.

Ник знал, что робот-наблюдатель только грозитя; это говорила запись глубоко в его механизмах. На самом деле робот ни разу не вызвал полицию за все годы, сколько здесь учился Ник.

«Правда ли я хочу на другую планету? – спросил себя Ник, нажимая на кнопку «А» на парте. – Стоит ли так поступать только ради Горация?»

Хороший вопрос. Ответить на который он сейчас не мог.

Глава 2

В тот же вечер, вернувшись домой из школы, Ник обнаружил в гостиной высокого bruneta с чемоданом. Раньше Ник его никогда не видел.

– Вы антизверятник? – спросил мальчик, чувствуя, как забилось от страха сердце. Он поискал глазами Горация, но того нигде не было. А вдруг антизверятник уже схватил кота; может, Гораций прямо сейчас сидит в чемодане. Хотя чемодан был маловат, так что это маловероятно.

С кухни откликнулась мать Ника:

– Это мистер Деверест, Ник. Он из газеты. Хочет взять интервью у твоего отца. – Она вошла в гостиную, вытирая руки. Ее лицо светилось от радости. – Он напишет про ситуацию Горация и что с ней можно сделать.

– Откуда вы узнали про Горация? – спросил Ник мистера Девереста.

– Есть методы, – сказал с улыбкой мистер Деверест. Он оглядел комнату, поднял одну серую бровь. – Кота нигде не видно. Он что, на улице?

– Мистер Деверест сфотографирует Горация, – сказала мать. – Чтобы пробудить в обществе сочувствие.

– Кот на улице? – повторил мистер Деверест, взяв чемодан и доставая из него фотоаппарат и диктофон.

– Гораций не выходит на улицу, – ответил Ник. – Только

один раз вчера, но это была ошибка. — Он не знал, стоит ли показывать Горация газетчику. Чем меньше внимания привлекал кот, тем лучше — по крайней мере, так часто говорил отец. Но со вчерашнего дня все изменилось.

— Ник хочет дожидаться, когда с работы вернется отец, — объяснила газетчику мать. Мягко положила руку на плечо Нику. — Если Пит разрешит, мы покажем вам кота.

Но как раз в этот момент Гораций появился в гостиной. Он услышал голос Ника и, как обычно, вышел его встретить.

— Не очень-то большой кот, — сказал газетчик с каким-то разочарованием.

— Вы просто давно их не видели, — сказал Ник. — Вообще-то Гораций довольно большой.

Гораций искоса бросил на газетчика подозрительный взгляд. Остановился и сел, не заходя в комнату дальше.

Самому Нику кот казался огромным, но по правде Гораций был недоростком. Как ни странно, при этом у него был двойной подбородок — валик белого меха от уха до уха. Почти весь он был черный — весь, кроме животика, лапок и того же пушистого двойного подбородка... и вдобавок белой маски, как у бандита, накрывающей нижнюю часть мордочки. Повадки у Горация были важные — как будто он внимательно продумывал каждый свой шаг перед тем, как его сделать... или не сделать, как сейчас. У него росли необыкновенно длинные белые усы с обвисшими концами, придававшие внешность мудреца — старца большого ума, который не

бросает слов на ветер; кот как будто за всем наблюдал, всех и всё понимал, но от себя ему добавить было нечего. Всё понимал, но не комментировал – словно отстранился от мира.

Когда-то – особенно в первый год жизни – Гораций задавал Вопрос. У него была привычка садиться перед человеком, поднимать зеленые глаза – круглые и выпуклые, как пришитые стеклянные пуговицы, – и уголки его маленького ротика опускались, как от беспокойства. Наморщив лоб от раздумий, кот издавал баритоном одно-единственное «мяу», а потом ждал ответа – ответа на Вопрос, который никто не мог постичь. «Что это спрашивает Гораций?» – рано или поздно говорил каждый в семье. Кот каждый раз ждал ответа, но, конечно, не дожидался. Мало-помалу, через несколько месяцев, он перестал задавать Вопрос. Но бывшей озадаченности не потерял по сей день.

Теперь Гораций приглядывался к газетчику со своей традиционной озабоченностью. То было не простое замешательство; Гораций не спрашивал: «Кто вы?» или «Что вы тут делаете?». Он словно хотел узнать что-то серьезное – может, даже философское. Но, увы, его Вопроса не понять никому. Уж точно не газетчику; мистер Деверест отреагировал на пытливый взор кота с тревогой – как и все при встрече с Горацием.

– Чего он хочет? – спросил мистер Деверест, словно испугавшись.

– Этого не знает никто по сей день, – ответил Ник.

– Можно его сфотографировать? – спросил газетчик.

– Конечно, – сказал Ник. Но сам жалел, что папа еще не вернулся.

* * *

Папа Ника работал пятнадцать часов в неделю – особая привилегия; большинству не разрешалось работать больше десяти часов в неделю. Были в мире и счастливчики, которым доставалось по двадцать часов, а самым богатым или могущественным людям – целых двадцать два. Получить разрешение на работу было величайшей честью, которой только мог удостоиться человек, – потому что теперь на свете было столько людей, что на всех занятий не хватало. Многие невезучие не проработали ни дня в своей жизни. Конечно, они подавали заявления о приеме; умоляли, чтобы их куда-нибудь взяли. Писали долгие сочинения о своей учебе, талантах и умениях. Их заявления кодировались и загружались в огромные компьютеры... И люди ждали. Шел год за годом, а места так и не появлялись; они ждали впустую. Так что по нынешним стандартам папе Ника очень повезло.

И все же Ник знал, что папа не любит свою работу; папа не считал ее настоящей – не такой, как в прошлом. Работа понарошку; да, папе платили зарплату, у него был свой стол в офисе, но...

– Если меня не станет, – сказал однажды папа, – все спо-

койно обойдутся и без меня. Должность после моего исчезновения можно отменить без всякого вреда. Ее отсутствия даже не заметят. Моего отсутствия даже не заметят, – сказал и помрачнел.

Мама ему возражала:

– Но сейчас так можно сказать о любой работе! Компьютеры могут почти все.

– Хотелось бы жить в мире, где еще существуют настоящие дела, важные занятия, – сказал тогда отец. – В прошлом люди под названием «ремесленники» собственным руками создавали красивые вещи; делали всякие ценности, например туфли и мебель. Чинили машины и телевизоры. Когда-то руки человека чего-то стоили. Посмотрите на мои руки. – Он поднял их перед Ником и миссис Грэм. – Эти руки, – закончил он, – ничего не делают и не чинят. Я спрашиваю себя: зачем я нужен? Я существую, чтобы работать? Нет. Это работа существует только для того, чтобы подарить мне иллюзию, будто я чем-то занят. Но что я могу на самом деле? Эд Сейнт-Джеймс за столом справа от меня проверяет документы и, если они правильные, подписывает. После подписи он передает их мне. А я проверяю, чтобы он не забыл поставить подпись после проверки. За четыре года Эд Сейнт-Джеймс не сделал ни одной ошибки; он всегда подписывал документы перед тем, как передать их мне.

– Но вдруг однажды возьмет и забудет, – сказала мать Ника.

– И что тогда? – возразил отец. – Что, если Эд Сейнт-Джеймс не подпишет документ? Компания разорится? На улицах воцарится хаос? Документы ничего не значат. Они существуют для того, чтобы была работа. Один человек их диктует. Другой их печатает. Эд Сейнт-Джеймс их подписывает, а я проверяю подпись. Потом передаю Роберту Холлу за столом слева от меня, и он их складывает. Слева от него сидит кто-то еще, кого я вообще никогда не видел; и этот неизвестный убирает сложенные документы в конверты, если их отсылают почтой, или в папку, если оставляют в картотеке. – В этот момент отец Ника казался ну очень мрачным.

* * *

Очень пристально глядя на Горация, газетчик сказал голосом, полным сомнений:

– Какой-то он неспортивный.

Это ужасно рассердило Ника.

– А как ему быть спортивным? – резко спросил он. – Ему нельзя выходить на улицу или что-нибудь делать. Вот когда мы эмигрируем... – Ник осекся, осознав, что он только что сказал газетчику.

Поднялись обе брови.

– Да? Вы улетаете с Земли из-за Горация? – спросил газетчик.

После паузы мама Ника ответила:

– Вообще-то причин много.

– Но кот, – сказал газетчик. – Он же тоже причина, а? – Теперь он включил диктофон. Еще копошась с микрофоном, спросил: – Уже выбрали какую-то конкретную колонию, миссис Грэм?

– Планета Плаумена, – ответила мать.

В этот раз у газетчика отпала челюсть.

– Планета Плаумена? Но она же такая далекая. И такая дикая. – Мистер Деверест повернулся к Нику и долго и внимательно изучал его взглядом. – Ты понимаешь, какие странные животные там живут? Животные, у которых даже необычные названия намекают на их противоестественное естество?

– Вы всегда говорите такими длинными словами, мистер Деверест? – спросил Ник. Его раздражали длинные слова. Он знал, что короткие слова не хуже, а то и лучше.

– Скажем так, – ответил газетчик. – На Планете Плаумена живут не кошки, собаки и попугаи. Кошки, собаки и попугаи – простые земные создания, которых мы любим и уважаем. Они милые и ценные, как, например, ваш кот. – Газетчик наклонился и погладил Горация по голове. У того от неприязни дернулись уши и задрожали усы. – Они любят нас, а мы любим их, хоть против них и есть закон. Пожалуй, мы больше любим их память.

– Вы хотите сказать, любим нашу память, – сказала мать Ника. – Нашу память о животных, которые жили в прошлом.

Или, как в случае Горация, мы любим их реальное, но незаконное присутствие.

Все еще обращаясь к Нику, газетчик продолжал:

– На Планете Плаумена ты и твои родители не встретите много других людей. По ночам, когда вы ляжете спать, всюду опустится тьма. Вы не увидите света других домов. Над головой не будут летать хOVERкары. У тебя не будет телевизора, потому что там нет телевидения. По утрам не будет газеты. А что касается школы...

– Мы все это знаем, мистер Деверест, – перебила мать Ника.

– А как же уабы? – спросил газетчик. – Про них вы знаете?

– Нет, – сказал Ник. Ему стало интересно, кто такой уаб. Он попытался представить его по названию: большой и круглый, с короткими ножками и поеденной молью шкурой, большим плоским носом и маленькими глазками.

– Уабы обитают на всей Планете Плаумена, – сказал газетчик. – Стоит вам встретить хоть одного, как вы сразу запроситесь назад, на Землю. Уаб – глупое и гадкое создание. Он выглядит так, будто у него нет души. Хотя он и любит рассказывать длинные скучные истории, его главный интерес – еда. Он говорит о еде; мечтает о еде.

– Как он выглядит? – спросил Ник.

– Он большой и круглый, – ответил газетчик, – с короткими ножками и поеденной молью шкурой, большим плоским носом и маленькими глазками.

– Так я и думал, – сказал Ник. – По названию сразу ясно.

– А вдобавок, – сказал газетчик, – там есть принтеры. И трубы. И отцы-двойники. Там есть нанки, Ник. Нанки с Планеты Плаумена очень хорошо известны ученым с Земли. Это воинственные создания, но чрезвычайно маленькие... Чему остается только порадоваться. И еще нанки – не самые разумные существа. Этому тоже можно порадоваться.

– Кажется, я читал про нанков, – сказал Ник. Хотя на самом деле не читал. Но сказав так спокойным голосом, он хотел показать газетчику, что не боится.

– И спиддлы, – продолжил газетчик. – Ради всего святого, что вы там будете делать среди спиддлов? Хорошенько задумайтесь перед тем, как ответить. Правда, я слышал, что спиддлы дружелюбны к человеку, что их настоящий враг – верджи. Но правда и то, что спиддлы... – Он замолчал, потому что открылась входная дверь.

На пороге стоял большой и грузный человек в металлической форме и шлеме, которого Ник никогда не видел раньше. У него было злое и суровое лицо, будто его вовсе ничего не заботило. Будто он жил в мире изо льда и железа.

– Я антизверятник, – сказал он. И голос у него был холодным, как потухший пепел.

Глава 3

– О боже, – сказала мать Ника, увидев антизверятника. Повернулась к Нику: – Как жаль, что твой отец не успел вернуться домой. Я боялась, что так и будет.

Гораций, сидя посреди гостиной, взглянул на антизверятника с обычным равнодушием. Очевидно, Гораций не понимал, кто такой антизверятник и зачем он пришел. Такие приземленные вопросы его не интересовали.

– Иди на кухню, Гораций, – сказал Ник. – Жди меня там. Сердце у него теперь билось от такого страха, какого он еще никогда в жизни не испытывал. И в то же время он был спокоен. Это наконец произошло: антизверятник заявился схватить Горация. В каком-то смысле Ник чувствовал облегчение. Хотя бы кончилось ужасное ожидание.

– Значит, вы антизверятник, – сказал мистер Деверест, поднимая фотоаппарат.

– Мы не любим публичность, – сказал антизверятник резким скрипучим голосом – голосом, идеально подходившим его жестокому лицу.

– Не сомневаюсь, – согласился мистер Деверест и сделал снимок. – Теперь давайте снимем, как вы запикиваете Горация в эту вашу клетку. А потом еще...

– Я пришел не за мальчиком, – перебил антизверятник. – Я пришел за животным – если точнее, котом.

– Гораций – это кот, – сказал Ник. – А я Ник Грэм.

– Зовите кота, – сказал антизверятник. Он уселся на софу и открыл клетку. – Всем будет проще, если все пройдет тихо, без лишней возни.

Мистер Деверест щелкнул на фотоаппарат клетку.

– Читателям газеты, – сказал он, – будет интересно увидеть вашу ловушку для маленьких животных. В наши дни все это происходит так редко, ведь кошек и собак осталось совсем немного. – Он навел камеру на Ника. – Ты будешь плакать? Если да, я это тоже сфотографирую.

– Я не буду плакать, – сказал Ник.

– Это никакая не ловушка для маленьких животных, – сказал антизверятник. – Это нормальная клетка для переноса питомцев из одного места в другое, отвечающая всем санитарным требованиям. От нее никому не будет вреда, – он присел и достал корм. – Кис-кис, – позвал он своим скрипучим голосом.

Гораций уставился на него со своим обычным бестолковым видом, не понимая, чего от него хотят. Или, может быть, он притворялся. Во многих случаях, если это было в его лучших интересах, Гораций ухитрялся притворяться бестолковым. Ник подозревал, что Гораций понимает больше, чем кажется. В ситуациях, касающихся его напрямую, Гораций, как и большинство животных, был очень умен. Более того, сейчас Гораций начал пятиться от антизверятника и его клетки. Медленно и незаметно, но Гораций убегал.

– Он идет на кухню, – сердито сказал антизверятник.

– Гораций всегда ходит на кухню, – ответил Ник. – Что бы ни случилось. «Если сомневаешься, иди поешь». Это правило Горация.

– Правило лапы, – кивнул мистер Деверест.

– Прошу прощения? – сказал Ник. Мистер Деверест объяснил:

– О людях мы говорим в таком случае «правило большого пальца», но у котов нет больших пальцев. Значит, надо говорить «правило лапы».

Гораций, следуя своему правилу лапы, полз на кухню.

– Остановите его! – воскликнул антизверятник.

– Когда Гораций идет на кухню, – сказал Ник, – его невозможно остановить.

Антизверятник взял со своего ремня металлическую трубку и прицелился в сторону кухни.

– Тогда я его усыплю, – сказал он, – и положу конец его незаконной деятельности – его незаконным попыткам пятиться на кухню.

– С каких пор пятиться на кухню стало незаконным? – спросил мистер Деверест.

– Для котов незаконно все, – ответил антизверятник, наводя блестящую трубку на Горация. – Например, ходить на кухню боком для котов тоже незаконно. Ходить боком по улице – особенно незаконно. Идти прямо на...

– Мы поняли, – перебил с кислым видом мистер Деверест;

похоже, ему совсем не понравился антизверятник – и Ник вполне разделял его чувства.

Вдруг раздался голос:

– Что здесь происходит? – В дверях стоял папа Ника, высокий и властный, со строгим лицом. – Вы кто? – спросил он Девереста, а потом увидел антизверятника.

Антизверятник, который секунду назад казался таким уверенным в своих важности и достоинстве, посмотрел на папу Ника и съежился.

– Вы мистер Питер Грэм? – спросил он задрожавшим голосом. – Хозяин кота? Хозяин этого кота? – он показал на Горация, который перестал пятиться и теперь сидел на кухне со встревоженным выражением на мордочке. И у Горация, и у антизверятника теперь было одинаковое выражение. Оба выглядели виноватыми и нервными. Но конечно, Гораций часто так выглядел. Антизверятник же, похоже, предпочитал какое-то другое настроение.

– По закону вы должны нам дать два дня на то, чтобы избавиться от животного самостоятельно, – сказал папа Ника. – До тех пор забирать его нельзя. – Он схватил антизверятника за плечо и спровадил на выход.

– Какая замечательная фотография, – сказал мистер Деверест, всю щелкая фотоаппаратом. – Какой бесславный конец функционера правопорядка.

Антизверятник неловко встал в дверях.

– Что это значит? – спросил Ник у мистера Девереста. Тот

с удовлетворением ответил:

– Это значит, что антизверятник должен подчиняться закону, как и все мы. Только теперь он сам этому не рад. Закон действует против него.

– Тогда это хороший закон, – сказала мать Ника.

– Хороший, – согласился мистер Деверест, фотографируя антизверятника напоследок, – но через два дня этот закон будет на его стороне.

– Но через два дня, – ответил отец Ника, повернувшись к ним, – мы уже будем на пути на Планету Плаумена. И Гораций летит с нами. В космосе антизверятник нам ничего не сделает; там его закон не действует. Горация будет защищать другой закон – закон природы.

– Если только Горация не слопает вердж, – сказал мистер Деверест. И добавил для Ника: – Я забыл описать верджей, которые обитают на Планете Плаумена вместе с убами, принтерами и остальными. Как я понимаю, верджи отличаются особым...

– Планета Плаумена – это не только опасность, что тебя унесет дикий крылатый вердж, – вклинился отец Ника. – Я знаю о верджах; знаю и о других опасностях – как для нас, так и для Горация. Но еще Планета Плаумена – это леса и широкие зеленые луга. Это тенистые просторы, где Гораций может безбоязненно играть вволю. Там есть края пастбищ и полей, полных мышей. Там есть реки, которые бегут в океан. Мы будем жить среди травы; Гораций будет охотиться

под янтарной луной, озаряющей утесы и низины. В тяжелых корзинах нашей жизни будут лежать плоды, собранные нашими собственными руками. Мы будем сажать и выращивать; мы будем пожинать; нас умоют дожди, а яркое дневное солнце... – Он замолчал и задумался. – Ну, сделает то, что делает солнце. Как обычно.

– Вот это мечты, – тоскливо сказал антизверятник, делая шаг вперед. – Мне такого и не снилось.

– Вам не снятся сны? – спросил отец Ника.

– Снились только один раз, – ответил антизверятник. – Мне приснилось, что я бейсбольный мяч на игре «Джайантс» и «Доджерс». – Тут он замолк. Все ждали, но он сохранял молчание.

– И что было потом? – спросил Ник. Антизверятник грустно ответил:

– На второй половине первого иннинга меня выкинули с поля. Что было дальше, я забыл; на моем разуме завеса, которая закрывает эти воспоминания.

– Летимте с нами, – сказала мама Ника антизверятнику добрым голосом. – Вам приснятся такие сны, каких вы и не ожидали. То есть вот что я хочу сказать: вы перестанете быть антизверятником – и тогда проявится ваша истинная натура. Вы расцветете, как... – Она ненадолго задумалась, подбирая сравнение.

– Как рогатый клак, – сказал антизверятник своим привычным скрипучим голосом. Он уже лишился мягкости, ко-

торая на него вдруг нашла.

– Что такое «клак»? – спросил его Ник. Ему не понравилось это название; оно намекало на что-то скользкое, что ползает на глубине, вдали от людей и дневного света.

– На Планете Плаумена живут рогатые клаки, – сказал антизверятник. – Они вмиг могут схватить вашего кота и утащить на скалистый пик, в гнездо из костей и пожухлых перьев, оставшихся от тех, кого они уже съели. Это враги всего сущего.

– Молчать! – резко сказал отец Ника и покраснелся от гнева.

– Он прав, – сказал мистер Деверест. – В смысле про клаков. Конечно, на Планете Плаумена клаков осталось совсем немного; мы когда-то публиковали о них статью. Когда-то их очень боялись. Но в последнее время все меньше.

– Мы не боимся, – сказал Ник, поборов собственный страх – собственную небольшую его долечку. – И вообще, Гораций умеет прятаться. Если захочет, он может стать почти невидимым.

– Гораций сливается с местностью, – подтвердил отец. – Он на удивление хорошо умеет не попадаться на глаза, если этого требует ситуация. – Взглянув на антизверятника с неприязнью, он добавил: – Сами посудите, как долго Гораций скрывался от вас.

– До свидания, – угрюмо ответил антизверятник. За ним закрылась дверь.

– Он ушел, – сказала мама Ника. – Но он еще вернется.

Положив одну руку на плечо Ника, а вторую – на плечо жены, мистер Грэм сказал:

– Но нас здесь уже не будет. Все решено; сегодня я купил билеты для нас четверых на корабль, который отправляется из Солнечной системы на Планету Плаумена. Нам пора собираться. Надо поторапливаться.

– Под «четверыми» вы имеете в виду и меня? – спросил мистер Деверест. – Я спрашиваю, потому что сомневаюсь, что могу присоединиться. Например, у меня здесь...

– Я говорил о своей семье, – сказал отец Ника. – Обо мне, о моей жене, о своем сыне и о нашем коте. – Он обернулся к Нику. – Проследи, чтобы мы не забыли вещи Горация – его миску, ошейник и корм. Проследи, чтобы у него были туалет, кровать и игрушечная мышка, которую мы купили в прошлом месяце и с которой он так ни разу и не играл.

Планета Плаумена, сказал себе Ник. Интересно, как там будет? Что ж, скоро он узнает.

– Я соберу все вещи Горация, – пообещал он отцу.

– И свои тоже, – сказал отец. И посмотрел на часы, чтобы узнать, сколько у них времени до вылета.

Глава 4

Все вчетвером прибыли на хOVERKAPe в космопорт, где их уже ждал корабль. Ник поймал себя на том, что весь дрожит от возбуждения. Огромный корабль вздымался на фоне неба, как толстая бутылка. От его двигателей поднимался дымок. Тут и там трудились крошечные фигурки.

Ник у показалось, что у Горация какая-то странная реакция на большой корабль. Хотя и окруженный своими вещами, кот хмуро погрузился в себя, словно на что-то обиделся. Гораций не обращал внимания на перенос сумок и коробок из хOVERKAPe в корабль; вместо этого он выуживал кусочек карандаша, завалившийся в щель.

– Коты не любят путешествий, – сказал отец Ника. – Это относится почти ко всем котам, хоть время от времени и можно прочесть про тех, которые присоединяются к цирку или wypлываюT в море на льдине. С Горацием все будет хорошо.

Скоро весь багаж погрузили на корабль.

– Это наш последний день на Земле, – сказал отец, когда все пристегнулись на своих особых местах. – Больше мы никогда ее не увидим, – добавил он грустно.

Член экипажа, пристегивавший Горация, слишком туго затянул ремень. От возмущения Гораций его цапнул.

– Спокойно, Гораций, – сказал папа Ника.

– Ему не хочется лететь, – сказал Ник.

– Это правда, – признал отец. – Но когда мы туда доберемся, он сам одобрит переезд. У котов невысокое мнение о любых переменах. Они отличаются, как это называется, высокой инертностью – или, вернее, психической интроверсией.

– Что это значит? – спросил Ник. Отец объяснил:

– Совершенно ничего. Просто что-то в голову пришло. – Он спросил проходящего мимо члена экипажа: – Сколько нам до Планеты Плаумена?

– Мы еще не взлетели, – ответил космонавт и ушел.

– Я знаю, что мы еще не взлетели, – сказал Нику и матери отец. Казалось, что он волнуется больше, чем обычно.

– Спокойно, Пит, – сказала мама с улыбкой.

– Я отличаюсь, как это называется, высокой инертностью, – сказал папа, – или, как это иногда называется, интроверсией разума. Ничего не могу с этим поделать. Мне легче, когда мы там немного проживем. Но прямо сейчас...

– Спокуха, приятель, – окликнул его член экипажа, проходя мимо между сиденьями. – Кота пугаешь.

– Я не из тех, кто вселяет в котов страх, – пробурчал отец.

Из динамика на другом конце салона прогремел голос:

– Взлет через две минуты, дамы и господа. Проверьте, застегнуты ли ваши ремни. Если с вами есть животное – собака, кошка или попугай, – держите их обеими руками, потому что, как показывает наш многолетний опыт, собакам, кошкам или попугаям во время взлета свойственно выскальзы-

вать из-под ремней. И вследствие этого нередко случаи, когда они шлепаются на пол носом.

Заревел огромный двигатель корабля. Все завибрировало.
– Поехали, – громко сказал папа, перекрикивая рев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.